

18+

Вячеслав Фитисенко

Несовершенство
жизни

Вячеслав Фитисенко

Несовершенство жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72234478

ISBN 9785006751996

Аннотация

Преследуемый прошлым опытом разочарований в людях, герой уходит в безлюдную тайгу. В его ставший привычным мир является необычная девушка, которая разрушает его устоявшиеся убеждения и тем самым воскрешает забытое. Противоречивые векторы его личной вселенной переплетаются, маня к новым шагам судьбы, через которые он познает изнанку себя. История заставляет задуматься о природе реальности, любви, судьбы и времени. Опыт, подобно губке, впитывает события, где плоскость обретает любопытный объем.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Несовершенство жизни

Вячеслав Фитисенко

© Вячеслав Фитисенко, 2025

ISBN 978-5-0067-5199-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказать, что это я придумал, – будет грубо.

Сказать, что это я представил, – будет ближе, но скупое.

Сказать, что это я увидел, – станет точно.

Дистанционное видение таилось заочно.

Внимайте построчно.

Любые совпадения реальны, ибо не существует иного.

Глава 1

Один из множества миров. Сибирь, тайга. Событие 1906 года.

Всяческие попытки убежать от реальности и находить радость там, где нет боли и разочарования, – вот мой девиз последние годы.

Я брёл в одиночестве, разговаривая лишь с самим собой, давно отвыкший от общения с людьми, поскольку не ждал от них ничего хорошего. Находил успокоение, какой-то интерес в мыслях, при вхождении в тета-ритмы, где состояние подобно трансу.

Материальность данной реальности отходила на второй план. Точки «Б» не существовало. Я находился в закатном, безлюдном лесу. Лучи уходящего солнца подогревали мой трепет общения с миром. Мысли без приглашения, но охотно вливались в поток торнадо образов. Мой калейдоскоп торжествовал. Периодически останавливался и разглядывал какой-нибудь листок дерева, его жилки, через которые нечто питает жизнь этого организма. Любопытно: откуда берется эта энергия, которая заставляет как в растениях, так и в человеке, и в любом другом организме двигать ее в нужном направлении? Вот муравей бежит с палкой, больше себя в три раза. Кто тебя создал таким, и откуда ты понимаешь, куда бежать и что с этим делать? Их смысл, должно быть, то-

же есть, и, наверное, нисколько не меньше человеческого. Мой взор пробил атмосферу и оказался наблюдателем сверху. Преданные друг другу: многоликий мир и его спутница – луна. Вертятся в танце, летят в аттракционе чувств. Расчет или любовь? Постичь бы непостижимое: как изначально хаос преобразовался в сложный механизм, запустивший гармоничную симфонию? И вместе с тем дарован разум, которым тщетно пытаемся разгадать загадку. Само сознание, что это за чудо? В книгах найти точного определения этому понятию не удалось. Их великое множество, но ни одного великого. Когда наука сможет дать исчерпывающий ответ? Может ли мозг понять самого себя? Может ли молоко понять, что оно молоко? Сознанию выбрали лишь удобную формулировку: свойство нашего мозга, которое воспринимает мир и реагирует на происходящие события. Так же говорится о субъективности сознания. И как найти объективную картину бытия с субъективным сознанием?

Черные точки закружились на серо-синем фоне. Тучи сгустились. Потерян для привычных, шаблонных форм восприятия, ухожу к себе – в простор мысли, не обремененных мнениями, в поисках личного стана мышления. Заблудший поистине тот, кто не ищет пути выхода из лабиринта. Яркая молния озарила небо. Оглушительный рык грома рвал атмосферу, приглашая на сеанс. Расставил руки в стороны, ладонями вверх, ощущая дрожь совокупления со вселенной. Блаженная истома. Путь освещали небесные вспышки. Выс-

ший дирижёр запустил оркестр мощного ливня. Звук дождя, как его еще называют, – розовый шум, позволял скорее погрузиться в желанное состояние. Подсознание выглядывало из-за шторы, готовое быть в качестве свободного повествователя. Наконец присел у могучего дуба и закрыл лицо руками. Прибор перцепции визжал цветной рябью предвкушения тайн. Хаотично бегающие мысли-пазлы складывались в цельные любознательные картины, дающие интересные разгадки бытия. Наблюдаю за старинными часами. Ходики, да, именно они. Управлял углом обзора представленного пазла по желанию. Звук механизма часов завораживал. Каждый тик стрелки – это шаг в будущее, одновременно память и размышления о прошлом. Обратил внимание на тяжелый маятник с рядом висящим грузом. Маятник по горизонтальной дуге переходил от точки «А» до точки «Б», от черного к белому, где между ними разноцветная палитра жизни. Каждая секунда выглядела такой весомой и громкой, что барабанные перепонки едва не лопались. Какое решение ты примешь в этот миг и как оно отразится в будущем? Раздался бой курантов – это предвещало что-то важное, многозначительное. Почувствовал касание моего плеча, я спрашиваю:

– Кто ты?

Голос прозвучал неожиданно, мирским колебанием:

– Твое спасение. Просыпайся, странник.

Вздрагиваю, открываю глаза и пячусь назад, но остаюсь

на месте, так как упираюсь о ствол дерева. Это человек – девушка, и к тому же улыбается и смотрит на меня, как на убежавшего из дома шелудивого ребенка. Она вывела меня в реальность из другой – абстрактной. Кто она и зачем так пристально смотрит? На вид лет 20, очень приятной наружности, пшеничные, длинные, ухоженные волосы, что уже странно. Быть в блестящем порядке в тайге невозможно. Нежно-белое платье в мелкий цветочек, белоснежные носочки и туфельки, переливающиеся солнечными бликами. Кто-то потерял новую красивую куклу?

– Эй, парень, ты в порядке? Что с тобой?

Я осматривал нестандартность персонажа в сложившихся реалиях. Почему она так счастлива? Или кажется таковой. Вроде переживает за мое состояние, а с другой стороны, ощущение, что ее это забавляет.

– Ты что, немой? – добавила она.

– Нет, все в порядке, – буркнул я, параллельно пытаюсь отжать мокрые вещи.

Желание избавиться от человека, от глаз, впившихся против моей воли. Не готов к бессмысленному общению. Однако ощущал, как слова заботы и доброты резали тонким лезвием по сложившемуся сознанию.

– Что ты здесь делаешь? И как? – мой вопрос недоумения вырвался самостоятельно. – Огромная редкость встретить человека в этом месте, разве что охотников, если можно назвать их людьми.

– Считай, что я и есть та самая редкость. Неподалеку живет моя бабушка, когда к ней приезжаю, иногда хожу сюда, прогуляться, побыть одной, поискать ответы на вечные вопросы. Но увидела человека, который нуждается в помощи, не могла же я пройти мимо... Кстати, ты бездомный, что ли?

Это меня разбудило и оскорбило. К удивлению, обратил внимание на свой внешний вид: в качестве рубашки была тряпка из картофельного мешка с тремя отвисшими пуговицами, и трико с вытянутыми коленками, за которыми скрывались калоши.

– Мне не нужна помощь. Но спасибо за заботу. Я, пожалуй, пойду...

– Куда? Идем за мной, я кое-что тебе подарю! – хихикая, сказала она.

– Мне? Подарок? За что?

– Идем-идем. Вылазь уже из улиточного домика и скорее на ромашковую полянку, она здесь рядом.

Подчинился приказу, отмечая ее осведомленность местности. Хрупкая и милая девушка ловко пробиралась сквозь преграды в виде веток и неровностей влажной земли. Казалось, она порхает. Она бежала уже вглубь цветочного поля, а я остановился у крайнего дерева и попытался хоть как-то привести себя в порядок. Почему-то стало неловко от ее предположения, что я бездомный, и как-то неосознанно зачесал ладонью на бок слипшиеся, грязные волосы. Попытался убрать прилипшую землю с вещей, но только всё разма-

зал.

– Ну же, смелее, что ты там уселся? Подарок здесь! Выходи из тени, странник!

Ее коктейль доброты, какой-то непринужденности, свободы и легкости в жестах, одновременно напористости, веры в то, что она получит желаемое, – обескураживало, интриговало и вело.

– Какой еще подарок? – пробурчал я, еще сопротивляясь.

– Что ты губками бубнишь? Ей-богу, прям как брошенный котенок, мячущий хриплой мечтой о молоке. Скажи громче, разбуди наконец в себе льва! – звонко призывала она, перебивая птиц.

Полной грудью выкрикнул тот же вопрос, но к моему ужасу голос неожиданно надломился и прозвучал максимально по-девичьи. Вот неловкость. Даже хриплый котенок выглядел более предпочтительно, нежели внезапная, ожившая во мне капризная девочка, вопрошающая о подарке. Мои щёки загорелись, а она расхохоталась. Давно, видимо, не повышал тональность. Я повиновался, опустил голову и пошел к ней, шурша о влажную траву калошами.

– Наконец-то! Вот тебе подарок, – указывала ладонями в даль. – Солнце, которое высушит и согреет тебя лучами тепла. И посмотри на эту яркую, сочную, цветоудивительную радугу. Она перекрашивает мрачные настроения в светлые. Слышала, что это является научным фактом. Так что принимай!

От ее искренней подачи у меня начали накатывать слезы, и слегка проявилась еле заметная, забытая улыбка.

– Вот видишь! Я же говорю – это факт. Как твое имя?

– Морфей.

– Прекрасно. Морфейка, а что ты знаешь о радуге? Ты вникал в суть вещей, которые рисует тебе жизнь? Вот, например, ты в курсе: чем крупнее капли дождя, тем ярче и насыщенней будет радуга? Не знаю, известно ли это в твоём мире?

– В моем? Разве мы в разных?

– А как ты думаешь? Каждая встреча – слияние разных восприятий и информации. Ну так что ты знаешь о радуге, кроме того, что она красива?

– Я читал, что радуга – это физическое напоминание нам об обещании Бога, что потопа и уничтожения земли больше не будет. После того как он очистил грешную землю и захотел начать всё заново. Это был его знак, воспринимаемый человеческим глазом.

– Хм, ты веришь в знаки, как и я? – заинтересованным прищуром говорила девушка.

Промолчал и перевел взгляд на цветной горизонт. На мгновение стало хорошо на душе, и почувствовал, как мои скулы немного приподнялись – должно быть, улыбнулся. Я не помню своей улыбки. Может, раньше просто не было повода? Всё происходящее здесь, в сложившихся обстоятельствах, с этой странной, но интересной и красивой де-

вушкой было иным. Не знаю, что за магниты она использует...

Периферийное зрение дало понять, что на меня смотрят более продолжительно, нежели требуется. Повернулся к ней и сковался. Ее брови сделались коварными, прикусывала нижнюю губу и неотрывно всматривалась. Градус повышался, и складывалось впечатление, что сейчас нападет, побьет либо скажет что-то колкое и неприятное. Я ее боялся. Опустил глаза в ромашки. Хотелось, чтобы скорее эта мучительная тишина была нарушена и всё обошлось. Неужели я сказал что-то не то? И вообще, зачем беспокоиться об этом? Развернись, да и иди в свою избушку. В конце концов, давно уже не ребенок. Но, не выдержав давления, спросил красными щеками:

– Почему так смотришь на меня?

Но девушка продолжала находиться в образе, охватывая взором всё моё существо. Поступью маньяка сокращала расстояние до невозможности дышать.

– Хватит. Мне пора домой.

Она рассмеялась, хватаясь за живот, подаваясь телом вперед и назад.

Чуть успокоившись, завела речь:

– Знаешь, шутки не объясняют, они теряют силу. Их надо чувствовать. По сценарию мы должны были смеяться вместе. Но тебе, думаю, необходимо объяснить. Всегда же есть исключения, правда? Сначала я удивилась твоим познаниям:

бездомный знает что-то из священных книг. Ого, подумала я, это здорово! Поднялось настроение, и просто захотелось пошутить. Но, не разделив мой порыв, получилось, пошутила не с тобой, а над тобой. Понимаешь разницу? Ну что ты молчишь? Какой же ты несмазанный механизм. Ладно... забудь и запомни. Тогда объясни, почему ты меняешься в лице, когда называю тебя бездомным? – резко сменила тему, тем самым вновь взбудоражила.

– С чего это? Нисколько не меняюсь. К тому же у меня есть прекрасный дом, здесь неподалеку. Так что я не бездомный, – довольный, заключил я, что дали возможность развеять миф о моем статусе.

– Я имела в виду душевный дом, а не физический. Улавливаешь? И прекращай дуться без повода и всего остерегаться. Придется научить тебя смеяться и не бояться людей! – сказала она, уходя.

– Куда же ты?

Посмотрела на наручные часы, которых не было, и ответила:

– Уже пора. Бабушка будет переживать. День прожит не зря: спасла сегодня одного человека, так что с чистой совестью могу идти домой – рассказать о хорошем деле.

Остался с щемящим сердцем, отравленный жизнью, в каком-то оцепенении. Не знакомая боль пробиралась иглами с головы до ног. Перехватывало дыхание, ком в горле теснил голос, что не мог ей что-либо сказать, да и, впрочем, не знал

что. Дыхание пропало. Отчетливо представил, как она обернулась. Тогда удалось совершить жадный глоток воздуха с ее оставшимся ароматом. Тут же фейерверком разлетелись надо мной тысячи разноцветных осколков: то ли теплых надежд, то ли холодных иллюзий.

Я не мог себя понять. Как моим убеждениям, сложившимся за двадцать три года, так легко вонзили кол, возле которого сосредоточилось всё внимание... А может, это не кол, а стрела, например, Амура? Потеряв ориентиры, не удосужился узнать даже ее имя, и где именно находится бабушкин дом, в котором она гостит летом. Каких-либо построек поблизости не было, разве что в ближайшей деревушке, до которой приличное расстояние. Однако ее туфельки были безупречно чисты, ни пылинки. Не сходится. Идиот. Чувства ругались с разумом. Жар осознания немного опоздал. Девушка была уже на горизонте ромашкового поля. Виднелся лишь ее чарующий, таинственный силуэт, уходящий из моей сегодняшней жизни. Маленькая точка совершила взрыв субъективной вселенной. Не хватало смелости бежать за ней, за источником...

Глава 2

Прождал до самого заката. Силуэт давно уже остыл на горизонте, но разгорался в моей голове. Пора идти домой: живот урчал от пустоты. Навязчивая идея. Нездоровая замкнутость, бред. Как можно быть таким наивным? Я себя не узнавал. Дорога предстояла недолгой. Проходя по полянке, неосознанно срывал по одной ромашке. На выходе с нее был уже целый букет. Пройдя еще небольшое поле, очутился на другом пустынном и безлюдном поле, где вот-вот залезу в свою привычную скорлупу. Испытывал смешанные импульсы. С одной стороны, вроде ничего значительного не произошло: ну встретил по какой-то случайности человека, который проявил к «бездомному» заботу. Но не давал покоя другой вопрос: почему мои убеждения дали трещину? Что за особенность заставила пошатнуть мой мир? Разум ругался с чувствами. Но так вышло. Что ж, не всё происходит так, как ты этого хочешь.

Лунный эфир дарил очертания приближающегося домика. Линии виделись непривычными, будто дверь открыта настежь. Ускорил шаг и побежал, да так, что потерял калошу. Да, действительно, кто-то ее открыл. От растерянности выронил букет и не знал, что делать дальше. Огляделся. Всё вроде на прежних местах: топор у пенька, далее коса, мотыга, грабли... Да хотя, кому они нужны? Было бы что брать.

У двери, на влажной земле, следов не обнаружил. Паутина, словно пломба на окне, все так же развевалась, гонимая ветром. Беглый анализ обстановки несколько успокоил: вора здесь не было. Должно быть, сам оставил ее открытой... Не может быть. Нет. Я всегда закрываю. Неужели снова зашел охотник? Как раз запираю дверь на замок я и начал после одного неприятного случая, связанного с ним. А произошло тогда следующее: заблудший пьяный охотник настиг мою избу и долбил в дверь. Сначала страх шептал не открывать, но, понимая, что дверь всего лишь плотно прикрыта и настойчивый мужик вот-вот окажется на пороге, я решил не ждать, когда его непредсказуемая агрессия выйдет за рамки. Отворил дверь, в надежде как-то договориться. Хотя это не мой конек. Моему взору представился огромный, похожий на йети, метра два ростом мужик. В одной руке полупустая бутылка, а на плече ружье, танцующее в такт владельца. В нем собрались все мои триггеры: ружье, то бишь убийства, алкоголь – значит, бесконтрольность, и наглость – игнорирование правил. Моя голова была запрокинута назад, когда смотрел на него, так как он приблизился вплотную и даже не видел меня, а уже анализировал обстановку дома. Я представился, а он нет. Пытался уверенно убедить его, что мол, я никого не приглашал и не ждал, но выходило робко, заикаясь, словно наоборот, приглашал его пройти. Но он вовсе не реагировал на мои голосовые изливы. Мои зрачки контактировали с его раздутыми ноздрями. Когда он выдыхал,

волосы в носу направлялись на меня стрелами, и поток отборного самогона заполнял пространство дома.

– Кто тебя так назвал, Морфей? Как что-то запретное... Есть же нормальные имена, – басом смеялся он. Далее монолог философии на пол часа с медной кружечкой самогона. Так и уснул, поставив точку беседы ударом тяжелой головы о стол. Зачем ему кружка, думал я, раз ты неизвестно сколько времени пил благополучно из горла, а тут, зайдя в гости, решил проявить этикет? Через два часа отвратительного храпа он очнулся, поднялся из-за стола с прилипшей к руке кружкой, потягиваясь в форме распятия, что-то туго проорал пробужденным матом, неудовлетворительного состояния.

– Пора и честь знать, – ляпнул он и, уходя, снял почти с потолка ценную для меня икону, которая досталась от набожной прабабушки. Внутри я негодовал, но возразить не мог. В груди разрасталась черная дыра стыда, поедавшая изнутри. До сих пор стыдно. – Ну, я пошел, с Богом! – окончательно произнес мужик и удалился с частицей веры.

Этот случай лишил меня уверенности в безопасности. Отныне всегда запирал привлекательную для непрошенных гостей дверь. А что на этот раз? Взлом бескорыстных грабителей? Или кто-то поджидает меня внутри? Замок лежал на пеньке рядом с дверью, а ключ обнаружил под домом в специальной лунке, нетронутым. Мурашки, нет, это что-то большее. Будто во мне с огромной скоростью размножались

морские ежи и перекатывались. Страх осознания сковал тело. Что делать, если там всё же кто-то есть? Навыка драки у меня нет. Да и с храбростью мы в конфликте. Она не пригодилась. Может, понаблюдать со стороны, глядишь, кто выйдет, и всё обойдется? Нет, это мой дом. Не знаю как, но надо хоть раз дать отпор, проучить, чтобы второго раза не видеть. Перекрестился и взял топор. Шаг – ступенька, два – ступенька, три – стоял я на пороге перед тьмой тайны. Пот катился по виску, капнул на руку и оставлял на грязном теле светлые полосы, освещаемые лунным светом. Конечности жутко тряслись. Охватил топор двумя руками и вошел. Пульсировал, как оголенное сердце перед вопросом жизни и смерти.

– Эй, здесь есть кто?

Темная тишина. Оставляю топор в правой вытянутой руке наготове, а левой пытаюсь достать фонарик из кармана. Надо было сделать это до того, как войти. Пристыдил себя за неразумность. Щелчок включения моего светового прибора заставил тело дернуться в такт. Никого нет, предметы на своих местах. Я выдохнул. Пульс начал восстанавливаться. Повернулся к выходу: подышать, переосмыслить, переварить. Ладонь выпустила фонарь от неожиданности. Передо мной на пороге стоит старуха: худая, с острыми чертами лица, в белом одеянии, с пепельными длинными волосами, пристальным морщинистым взглядом, пронзающим гипнотической силой. Я весь взмок, хватка ослабла, и топор с грохотом рухнул на пол. Сознание автоматически перешло в иное состо-

ание. Время, подобно жвачке, тянулось. Оставшимся разумом пытался поднять топор, но старуха улыбнулась, покачала головой и по-доброму пригрозила пальцем. Затея была отклонена, на что она одобрительно кивнула. Оставалось только наблюдать проходящие без спроса разные мысли-образы. Посыл шел от старухи – начальника киноленты. Попытки выйти из созданного вакуума оказались безуспешными. Функция передвижения была отменена. Ее зрачки сдвинулись чуть в сторону, как бы заглядывая мне за спину. Затем взгляд вернулся, морщины сложились еще сильнее. В это время пролетали разные, но важные кадры моей жизни. Веки потяжелели и закрыли глаза. Начали всплывать на поверхность слайды в ускоренной перемотке. В этой задаче было известно одно – это документальное кино про меня. Проявился насыщенный цветовой гаммой луч, исходящий откуда-то из вне и входящий в нынешнюю жизнь. Что значит из вне? Прошлая жизнь? Вижу себя мужчиной в возрасте, заросшим бородой, что усложняет разглядеть черты лица. С хитрым прищуром гордости озираю свою коллекцию убитых, трофейных, мумифицированных животных. На стене висит ружье. Серо-черная рябь радиопомех. Кто-то настраивает вселенский приёмник? Вспышка, яркий свет – и новое рождение, новая песнь. Обрыв пуповины, соединявшей с прошлым. Бесконтрольный плач младенца и слезы счастья на лицах родителей. Запах мамы и ее нежная, любящая рука, перебирающая мои мягкие волосы. Коконом тепла были

объятия, восходом солнца – улыбка. Царство любви – душевный и физический покой. Дальше: дети играют в песочнице с моими игрушками, но без меня. Школьная пора – жажда знаний. Отвержение коллективом. Неизбежность конфликтов. Клеймо изгоя. И вот – проблеск: друг! Всплеск радости, эйфория дружбы. Но эпизод короткий. Удар в спину, предательство. Доверие стало болью. Далее: школьная сцена, и смех... невыносимо громкий смех, обрушивающийся на мои робкие стихи – признания любви к прозрачной девушке. Юмора в стихах не было. Моя искренность и наивность – вот повод для насмешек. Поэзия умерла, отравленная ядом обиды. Пролетает напоминанием плаксивый сарайчик – мое убежище откровений, внимавшее моим ежедневным слезным исповедям к темной пустоте. Со школой покончено раньше положенного. Далее – уличная драка: отец заступается за мать. Удар – и человек от полученных травм умирает в больнице. Отца сажают в тюрьму. Мать меняется каждую секунду. Ее будто подменили. Не может прокормить ни себя, ни меня. Беспочвенные истерики спокойным вечером. Мир перечёркнут. Побег – единственный выход. Безлюдный лес – мой новый дом, заброшенная хижина умершей прабабушки – мое убежище. Поиски... Затем – тихий, одобрителный кивок матери, благословение на мой выбор. Перерезана пуповина от всего общества. Потеря смысла и отчаянные попытки его обрести. Крайним в ленте акцентов был удаляющийся силуэт девушки-загадки на фоне радуги. Толь-

ко слайд – мутный, раздвоенный. Либо наложенный друг на друга, либо внутреннее зрение уже теряло силу. Ускользающий мираж надежды. Снова часы с монотонным боем. Белая вспышка. Я открыл глаза. Старухи не было. Обессиленный, озирался в неопределенных поисках неизвестного. В полудреме вышел на воздух, поднял брошенные ромашки, утопил концы в граненый стакан, куда-то поставил и рухнул на кровать.

Глава 3

С усилием открывал слипшиеся, свинцовые веки. Часы над кроватью, возле окошка, показывали полдень. Обычно я просыпаюсь раньше. Перекусив скромными дарами своего небольшого огорода, принялся осмысливать вчерашнее. Не знаю, сколько длился наш сеанс? Вчерашний циферблат информировал, что минуты три, а ощущения, что прошла целая жизнь. Продемонстрированы были основные эпизоды; логичная цепь событий, которая определила мой путь. Но зачем это показывать мне? Я и без старухи это знал. Разве что мельком увидел отблеск прошлой жизни. Признаться, этот кадр мне не понравился. Неужели я был коллекционером убитых животных, и кем убитых? Неужто мной? Но последний эпизод удаляющегося силуэта той девушки – приятен и любопытен. Значит, он важен, коль существовал в подборке. Гормоны закружились химическим вихрем, и я невольно расправил сутулые плечи. Коктейль меланхолии и равнодушия сменил состав. Отныне ингредиент неподдельного интереса к происходящему лился через край. Чувствовал вкус жизни, усевшись за стол поисков. Кандидатов на роль старухи не находил. Разве что моя прабабушка. Однако не помнил ее отчетливо, ибо был слишком мал. Но помнил ее любовь и привязанность, ее крестообразные движения руки мою сторону, проговаривая молитвы. Потом она умерла,

а я и не понял этого. Просто шевелилась – и вдруг перестала. К смерти я относился легко. В какой-то мере даже желал, искал ее. Она представлялась мне интересной, манила тайной. Но не сейчас. Не хочу смерти, пока не увижусь с девушкой из своих стихов. Вспоминая пленку жизни, я заметил тогда, что были и пустые ячейки, которым только предстояло быть заполненными. Притом в нынешнем поле существования они ограничены, а стало быть, они закончатся, а значит, смерть неизбежна. Это то, что остановит мое время здесь. Рядом с событиями жизни проходила какая-то сценарная нить, как вектор направления, наделенная переливающимся светом. Я подумал, что это и есть энергия смысла, или миссия. Притом нить была не одна. Их было множество, словно струны на гитаре, только во много раз больше. Периодически на каких-то участках жизни множество линий вариантов сливались в одну, образуя жирный пучок, из которого тянулись новые ветви, и так далее. Я интерпретировал это так: мы идем по жизни с выбором действия, но в один момент все равно приходим к какому-то обязательному, predetermined событию. Вроде экзамена после пройденного пути. Вот, например, один мой товарищ, живший в безупречной, с точки зрения материальности, семье. И все у него было; и настоящее, и будущее со всеми высшими атрибутами комфорта. Но раз, и по нему проезжает неспешный, тяжелый трактор. Почему он оказался в этом месте, в эту секунду? Обязательное событие? Там сошлись линии? Испарились его

чистые планы на вечер. Стерто будущее в злосчастном пучке тайны. Как для него, так и для семьи, на глаза которых вылились несмыываемый мазут отчаяния. И где он, куда и зачем? А где мои бабушки и дедушки и все те в ином мире? За каким стеклом происходит другая действительность? Видят ли они нас, помнят ли? Я убежден, что душа и сознание бессмертны, но как и в какой форме они существуют? И кстати, та сценарная нить не ограничивалась одной жизнью, а что успел заметить, шла дальше нынешней, после печати завершения. Печать была без подписи создателя, посему смею предположить, что путешествие в иной мир может сместиться. А новая жизнь, в свою очередь, варьировалась в неопределенных, незрелых цветах. Думаю, они зреют по мере того, что происходит в этой данности, как мы играем здесь. Спасибо на том, что там не был указан год моей кончины. Ох уж эта сансара. Ох уж эти умозрительные познания, пади разгадай. Что касасяемо конца... Как заметил Эпикур, когда мы есть, то смерти еще нет, а когда она наступает, то нас уже нет. То есть смерть к нам никакого отношения не имеет. Но она ограничивает пребывание в конкретном теле, а значит, наделяет смыслом. Правда, у каждого путь индивидуален, как линии на ладони. Кто-то движется по течению, кто-то против него. Бессмертие давало бы право все откладывать на потом. Последнее умозаключение словно ударило током. Не хочу откладывать нашу встречу, как бы она ни прошла. Захотелось самого простого и главного – жить. Начал при-

водить себя в порядок: умылся до скрипа кожи. Шаг по дому стал немного вприпрыжку только от одной фантазии – увидеть ее. Остановившись у старенького шкафа с зеркалом напротив стола, знакомился с собой новым. Попытался резким движением головы закинуть на бок небрежно отросшие волосы. Но, немного подумав, оставил эту лишнюю затею. Вряд ли ей это понравится. Наконец открыл шкаф и выбрал джинсы-клеш, доставшиеся от дедушки-моряка, и белую рубашку. Ее темный оттенок не столько от моей ауры, сколько от времени. А на ногах будут коричневые ботинки. Вот эти, да, с подошвой. Не в калошах же идти. Закрыв гардероб. Примерил. Вид вселял уверенность и храбрость. Пусть только попробует назвать меня котёнком. Язык не повернется. Тут как минимум белый тигр. Принялся отжиматься от пола в надежде придать больший объем мускулатуре, но скоро закричал и, запыхавшись, встал. Всматриваясь в свои болотные глаза, репетировал твердый взгляд авторитета. Игры взглядов продолжались еще минут десять, пока внимание не отобрала появившаяся небольшая родинка у внешнего правого уголка глаза. Будто автор промахнулся и поставил пером точку. Откуда она взялась? Что это может значить? Посмотрел в левый угол, пробежав взором по полке в поисках нужной литературы. Ага, нашел – «Знаки судьбы»; прочту потом, вдруг что-то плохое. Впрочем, так мне даже больше нравится. Осталось разобраться с непослушной мимикой. Праздничное настроение было по большей мере внут-

ри, а снаружи по лицу так не скажешь. Окостенелая мимикрия, выжигавшая грустные узоры на моем лице много лет, давала о себе знать. Однако так это не оставлю. Моя спасительница не должна видеть на моем лице грусть и не знать, как я счастлив ее просто видеть. Попробовал максимально широко улыбнуться, но возникли вопросы к бровям, построенным печальным домиком. Эта картина мне не понравилась, и тонкое ощущение подсказывало, что и ей не придется по нраву. Что она подумает, когда увидит в качестве моей радости – оскал с грустными бровями... Это ведь полное несоответствие истинной радости и видимой. К «бездомному» добавится еще и какой-нибудь душевнобольной, пади знай, что у него на уме с таким выражением лица. И вновь уйдёт. Так не пойдет. Надо что-то предпринимать. Притом появился смысл разобраться в тонкостях своей природы. Буду идти и тренироваться в улыбочивом лице и уверенном теле. Закрыв дверь, проверив несколько раз. Закрепил своеобразным ритуалом: состряпал душераздирающую гримасу, с максимально высунутым языком, выходящим за рамки разумного, и закрепил идиотским прыжком на месте. Объясню: я совершал порой какую-то нелепость, чтобы проще было запомнить важное событие, поскольку эмоциональная память эффективнее остальных. Закинул ключ в лунку. Глубоко вдохнул, раздувая грудь и вздымая плечи. Резким выдохом, твердой поступью направился в лес на долгожданное свидание, о котором никто, кроме меня, не знал.

Глава 4

Ведомый ветром и слепящим солнцем, которое упрощало складывание глаз в форму улыбки, я несся не по полю, а над ним. Пролетая по ромашковой полянке, желанный силуэт не являлся. Крылья пришлось поджать, но по-прежнему сопровождала робкая надежда на встречу, которую решил организовать только я, не сообщив другому участнику свидания. Проговорив эти слова вслух, меланхолия начала постукивать в дверь созданной иллюзии. Надуманная уверенность поутихла. Жонглирование фантазиями рассыпалось. Эстетика дикой природы перестала восхищать. Присел на еще не остывшее памятью место, где мы наблюдали радужный горизонт. Ощущения обострились, воспоминания о прошлой встрече торопили мои чувства. Ее музыкальный голос не переставал играть в моей голове. Даже ночь провел в ее компании. Сегодняшний сон вещал о нашей встрече в космическом пространстве. Безухие пришельцы перемещались по эфирной тверди и передавали информацию ментально, напрямую в черепную коробку. Они обслуживали нас, устраивая невероятные путешествия по своим красотам. Относились как к избранным ушастым гостям под бесшумный фон летящих с невероятной скоростью метеоритов и комет. Голодные черные дыры пожирали беспощадным ртом целые звездные группы. Мы интересовались, есть ли у них

зубы, кишечный тракт? Но пришельцы (хотя пришельцами в данном случае были мы) выразительно смеялись лицами. Видел спиралевидную галактику с нашей солнечной системой, погребенной в далекой пыли, в которой витала планета Земля, где существовал я, в сердце которого зарождалась новая вселенная с законами для двоих. И все куда-то беззвучно стремилось. А избранница в это время молча пела мне песни, сидя на звезде, которая погасла. Наши черепа разлетелись бы в щепки от шума такого масштаба, но там – справедливая тишина. Интересно. А может быть, космос – это хранилище или кладбище мыслей? Поэтому там гробовое молчание.

Поднялся, еще раз огляделся. Мой мозг приглушил зеленые мелодии и сконцентрировался лишь на ее голосе, авось услышу. Надежда еще лелеяла, и я направился к дереву встречи, последовав запечатленной тропой, по которой ступали ее туфельки. Почти доходил до края полянки, как услышал шелест травы сзади. Моментально обернулся: оказался заяц, сверкавший удаляющимися ушками. Дерево встречало одиночеством. Ни души. Несмотря на заливистые трели соловья, меня охватили минорные аккорды. А с чего бы ей здесь быть? Кто ей скажет, что у нее свидание? Струны души лопались – ноты сыпались. Гнев на себя рождал горечь во рту. Невидимая нервная рука начала закрашивать простым карандашом мой новый, короткий, яркий мир. Упустил ее – единственную надежду на спасение. Оголенные нервы

молча орали. А она обещала, что научит смеяться и не бояться людей. Она поняла меня тогда без слов и попала в точку. Но теперь ее нет. Я жадно ищущу тропу, которой последую снова. Верни меня в тот миг, когда мы были вместе. Я исправлюсь и больше не отпущу тебя. Только верни.

Чуть ниже проходила изгибистая река. Услышал колебания воды, будто в нее бросают камни. Там кто-то есть. Молниеносно ринулся к реке. Остановился у склона и вижу, как на воде до сих пор круги, расходящиеся от центра. Мимходом пролетела мысль о теории брошенного камня в воду, или о кругах на воде. Не было лишних секунд на поиски подходящего места для спуска. Спрыгнул и покатился по крутому склону. Берег пуст. Но всё же казалось, она здесь. Ее энергетические волны касались меня. Я их не перепутаю. Мокрый ворот рубашки, изменивший цвет, и колющая боль в области затылка забрали мое внимание. Спина багровыми, красными нитями слиплась с тканью. Я вспомнил, как ударился головой при торопливом спуске, но тогда не придавал этому значения. Пытался смыть с волос кровь, одновременно поглядывая по сторонам с верой, что она появится. Но вокруг лишь давящая пустота, сжимавшая распускающиеся свежие чувства. Бегаю за вымышленной девушкой, наряжаюсь, разбиваю себе голову, утопаю в песке воображения. Я сошел с ума. Бросил со злости булыжник в реку. Я уже ненавидел свои образы, картины. Они меня дурачат. И вдруг услышал рык зверя слева от себя. В миг тело окаменело, и машинально

глаза прильнули к звуку. Господи, в метрах тридцати стоял огромный медведь, а посередине, между бурым и мной, стояла она, точно ангел, потерявший крылья. Глаза опасности и безмолвная мольба о помощи смотрели друг на друга. Она тряслась, вкопанная в ожидании. Я мобилизовался и окликнул ее, моментально придумав имя:

– Радуга, это я, Морфей. Всё хорошо, не показывай страха и не поворачивайся спиной к нему.

Подходил ближе. Она повернула голову в мою сторону с широко открытыми от жуткого страха глазами и только лишь мычала, боясь проронить слово.

– Иди, иди не спеша ко мне на встречу, без резких движений, не бойся. Спиной двигайся ко мне, – повторил я.

Мы приближались друг к другу. Медведь в это время лакал воду и тяжелым медленным шагом, под которым расходились камни, направлялся к нам. Чувства были смешанными: тело трепетало, счастье затмевало опасность. Лишь единственная мысль: спасти ее во что бы то ни стало. Вот мы и встретились. Обнял ее сзади. Бежать бессмысленно.

– Спаси меня, – тихой дрожью прошептала она мне на ухо, чуть запрокинув голову на плечо.

Хищник уже находился в десяти метрах от нас.

– Медленно перебирайся ко мне за спину и не показывай страх. Медведь всё чувствует.

Выполнив мои рекомендации, она змеевидной гибкостью оказалась сзади и охватила меня крепкими объятиями. Было

приятно, но, пожалуй, не сейчас.

– Нет-нет, отпусти, отходи медленно от меня. Вон, за тот куст. Я постараюсь всё уладить, а у тебя будет время бежать... —проговорил я нервозно, переживая за нее.

Ее щека прижалась к моему правому плечу. Она не желала разжимать руки, а опасность приближалась. Когда расстояние сократилось до сжатия всех органов, тут же отпустило, так как я узнал эту косолапую. Это была своя, знакомая медведица. Говорить ли Радуге об этом? – думал я. Или сыграть героя, до конца? Показать, как я легко и бесстрашно укрощаю зверя? Но, всё же, сложно предсказать последствия. Нет, пожалуй, не время импровизаций и игр. Лучше успокоить.

– Он нас не тронет, Радуга. Точнее, она. Мы знакомы. Видишь шрам на боку и откусанное ухо? Бывало, подкармливал ее, когда она подходила к моей избушке. Я ее прозвал «Ягодкой», так как всегда угощал ими. Она уважала границы моего небольшого забора.

Медведица подошла вплотную: начала обнюхивать меня с головы до ног. Мокрый нос касался моей кожи. Чувствовал запах ее пасти. Радуга впилась в меня ногтями. Плечо вибрировало от ее сдавленного визга. И я обратился:

– Ягодка, все свои, свои.

Медведица внезапно встала на задние лапы, мотая из стороны в сторону открытую пасть приветственным рыком. Она узнала меня. Всё в порядке. Раздался выстрел из ружья,

еще один и еще. Сломленная Ягодка, падает перед нашими ногами... Трогательные медвежьи глаза слезились, она еще дышала. Лежа на боку, истекала кровью. Вопросительный взгляд угасал, медленно моргая прощальными глазами. Появился охотник, тот самый – похититель икон.

– Сынок, ты что здесь делаешь, без ружья, а? Считай, я тебе жизнь спас и себе трофей приобрел. Удачный денёк, Ёк макарек, – сказал охотник в параллель с лаем своих собак. И видя, что его жертва еще жива, – холоднокровно всадил очередную пулю.

– Долой мучения, да здравствует покой! – подытожил охотник.

Медвежьи веки закрылись.

– Пойду мужиков позову, надо непременно отметить трофей. Подожди здесь немного, я скоро, – торопливо проговорил он и скрылся за листвой.

Она разжала хрупкие, но сильные руки. Я повернулся к ней. С минуту, без единого слова, вглядывались друг в друга стеклянными влажными глазами. Ситуация молчала безмолвным криком шока. Пробитый затылок разукрасил кровью ее милое светлое лицо. Возможно, это ее смущало. Недолго думая, провел рукой по до сих пор пульсирующему от боли затылку. Три окровавленными пальцами скользнул диагональным маршрутом по лицу. Зеркальное отражение Радуги. Так-то лучше. Теперь мы на равных. Со стороны сцена походила на ритуал викингов: жертвоприношение,

дабы завоевать расположение богов – царства Асгарда. Глядя друг на друга продолжительное время, подкатывал смех к горлу, как разгрузка после стресса, и мы в голос начали смеяться, нарушив космическую тишину. Немного выпустив гормональный всплеск, Радуга вновь подошла ближе и нежно обняла.

– Спасибо, что укрыл меня своей спиной. Я этого никогда не забуду.

В голове крутились блестящие фразы для ответа из кино, но актуальных для данной ситуации не нашел. Стоит ли сейчас сказать о возникших чувствах? Или будет выглядеть глупо? Я поддался порыву:

– Радуга, так бы поступил каждый, если б чувствовал то же, что и... – не договорил я.

– Смотри, Морфей, туда, вперед, – указывала она пальцем.

Дальше по берегу то появлялись, то исчезали за кустами трое медвежат. Стало быть, убили их мать. Боже. Они ревели и суетились.

– Нужно скорее прогнать их от опасности. Кто знает, что у этого нетрезвого убийцы на уме.

– Верно, но как мы это сделаем, Морфей?

– Вон, видишь, консервы три штуки валяются? Берем их и, сотрясая атмосферу, бежим к ним. Они малыши трусливые и убегут, а значит, спасутся.

Радуга засияла и через секунду-другую уже взяла две кон-

сервы в руки, а я взял оставшуюся и в дополнение – деревяшку в качестве барабанной палочки.

– Бежим вперед! —прокричала она.

И помчались, что есть мочи, шумя изо всех сил пустыми жестянками, навстречу к потерянным медвежатам спасать их, прогоняя.

Глава 5

Смещение малышей в безопасное пространство радовало нас. Теплый смех единения, словно мы одна команда, грел душу. Но когда приходило осознание, откуда мы бежим, куда и с какой целью, – радость утихала. Напуганными глазами они смотрели на нас, а может, и на жизнь, когда останавливались посмотреть, не прекратили ли мы преследовать их? Но вновь бежали, спотыкаясь о свою трагедию и теперешнюю жизнь, которая началась с жутких страниц. Мы остановились. Медвежата уходили в лесные гущи навстречу новому миру. Самый малый из них, с белой пигментацией на спинке, отставал от братьев, так как чаще всех оборачивался в прошлое.

Радуга прочла печаль в моем провожающем взгляде и присоединилась к прощанию, склонив голову мне на плечо, разделив сопереживание.

– Ты прямо тexasский ковбой! Только шляпы не хватает. Где твоя лошадь и ранчо?!

Она, видимо, пыталась разрядить обстановку, а я скромно улыбнулся, посмотрев на свои клеши в сочетании с коричневыми ботинками. Доля правды в этом есть. Ковбой – это же смелый человек или просто внешний вид? Что относилось ко мне?

По воде отчетливо слышались торжество и пир компании

охотника. Ликование смерти, веселье желудка, азарт и тщеславие. Очевидно, не будь меня там, все равно прозвучал бы выстрел. Спасение нас от опасности – это лишь обстоятельства, сыгравшие ему на руку. Удобная формулировка для оправдания своих истинных целей. Многие так делают; крутят слова, оставаясь в благом свете, с черной душой. Да уж, и как отличить истину света от ложной тьмы, или истину тьмы от ложного света? Видимо, смотря с какого угла и чьими глазами смотреть на событие. Свой мир всегда кажется верным, потому как нет другого.

Она тянула меня за руку рывками и торопливо куда-то стремилась.

– Радуга, мы уже в безопасности, ты куда спешишь?

– Тихо, пока еще не совсем, – дёрнула мою руку на себя.

Ноги на секунду заплелись, так что я еле удержал равновесие. Аж захотелось заглушить неловкость кашлем, что я и сделал. Она же шла ровно и уверенно, колыхалось только платье. Возникла ассоциация: словно мама, спешащая на работу, нервно тащит тебя в далекий садик, игнорируя происходящее позади. Как однажды: я упал с санок, а она так и привезла в садик пустую карету, погруженная в свои мысли. А виноват остался я. Так что не отстаем и повинуемся знающим путь.

Как дикая кошка, точно пантера, миновала зигзаги тайги и дожидалась у подножья горы. Я же, добравшись, сделал вывод, что мне далеко до тигра.

– Добро пожаловать в мой дворец! Здесь я питаюсь энергией! Проходи, Морфейка! – величественно и по-царски произнесла она.

Раскидала листву, вязанки прутьев, закрывавшие вход, который и без хлама почти невидим.

– Первый пошел! – сказала она.

Перевоплотившись в мышь, с трудом пробрался через узкий проход и оказался в яме. Повернулся подать ей руку, но она неожиданно закрыла щель снаружи и оставила меня. Голосовые связки перевязались между собой в комок, молчаливый страх разыгрывался. Попытался окликнуть ее, но будто во сне, не мог. Также неожиданно открыла и заглянула с довольной, хитрой лисьей мордашкой.

– Погоди немного, странник, не бойся, я скоро.

Вновь закрыла, снова тьма, но я послушно ждал. Через минуту слышу ее голос уже не снаружи, а откуда-то изнутри.

– Иди на мой голос, Морфей, — смех раздался многослойным эхом.

Прошел чуть вперед, далее направо, увидел свет просторной пещеры, где стояла моя ненаглядная, покусывая фалангу большого пальца, наверно, в ожидании моей реакции. Получается, она зашла с другого входа, видимо, соблюдая какой-то незнакомый мне ритуал. Я перебилса видом, который только дошел до осознания через глаза. Необычайной красоты просторный зал, с факелами на двух противоположных стенах, на которых были странные, незнакомые мне зна-

ки, рисунки. По центру высеченные из камня стулья и стол, на котором связка разных свечей и коробок спичек. Рядом, судя по пеплу, – место для костра, выложенное небольшим кругом из камней. Прошел в конец зала, там обрыв. Осторожно вытянул голову над пропастью, потрясающее тихое голубое озеро, постелено на низине прозрачным бездонным миром. Над озером возвышались четыре прохода, высеченные в скале, ровные, как дверные проемы или большие окна. Оглядевшись по сторонам, я увидел еще два боковых высоких входа, сделанные аркой, по одному на стену. Неспешным любопытством подошел к правому. Чуть засунул любопытную голову, как та разболелась. Были ступеньки, ведущие вниз. Окружающая атмосфера наполнена таинственностью, и казалось, что я попал в какое-то сакральное место. Современный дворец троглодитов.

– Эй, потеряшка, туда нельзя, идем садись за стол. Вот тебе яблоко, вкуси.

Благодаря эху каждое слово здесь приобретало магический оттенок. Дожевывая кислое зеленое яблоко, всё ближе к сердцевине и семенам, я так и не решился прервать хозяйку, увлеченно наводящую порядок. Глядя на ее полную отдачу делу, я убрал огрызок в карман.

Мозг шумел от непонимания. Стало быть, это ее логово? Мне нравилось молчать, быть в качестве наблюдателя этой загадочной красоты. Своих вопросов я боялся или боялся ее ответов. Но все-таки ждал, когда она освободится и, как бы

там ни было, заполнит пробелы информацией. Наконец она присела, а я спрессовался от наступившего момента задавать вопросы.

– Готово. Чистота успокаивает разум. А сам процесс – антистресс, – с выдохом установленного порядка сказала она, но в глазах читалось беспокойство.

– Я понимаю, ты пережила сильный стресс, встретившись с медведем, но все обошлось, и к тому же...

– Нет, — прервала она. – Точнее да. Как же тебе объяснить? Я бросала камни в реку в надежде, что ты где-то рядом и услышишь, затем спряталась за листвой, а когда хотела сделать тебе сюрприз неожиданности, увидела зверя. Но, честно сказать, ужаснулась я больше от охотника. И потом, эти последствия... – она недоговорила.

– Почему же? Ведь он нас спас, – решил высказать именно с этого угла обзора.

– Наверно, но... – отвела глаза в сторону пропасти с озером и приняла задумчивый, обеспокоенный вид, накручивая платье на палец.

Я обратил внимание на два закатных луча, лежавшие на столе, проследил глазами к их истоку и увидел две щели в стене, как глаза того мира, откуда задувал сильный свистящий ветер с запахом озона. Видимо, назревал дождь. Становилось прохладно. Она, словно прочитав мои мысли, принялась улаживать нынешний мир. Принесла откуда-то бревна и поместила в специальное место. Взяла коробок со стола,

достала спичку и чиркнула.

– Видишь этот огонек, Морфей? – пронзительно смотрела, не отводя глаз.

– Да, вижу, – спичка догорала уже до середины...

– Это, можно сказать, наша жизнь с точки зрения вселенной. Это миг, секунды. Что она успела за это время?

– Вроде ничего.

– Да, правильно, но все же она горела, правда? А значит, могла согреть кого-то или погубить, или зажечь новую жизнь. Смотри внимательно.

Чиркнула следующую и бросила в подготовленный материал для костра. Языки пламени начали потихоньку оживать и увеличиваться в размере. Этот простой смысл, заключенный в этом примере, что-то поменял во мне. Ее очертания лица на фоне осмысленного огня вдруг показались такими близкими и знакомыми, будто любил ее всегда.

– Как ты воспользуешься этим огнем? Бессмысленно сгоришь сам, кого-то погубишь или зажжешь новую жизнь? – я задумался над этим образным сравнением и параллельно кивал вместо ответа.

Она улыбнулась и подмигнула.

– Прости, – вырвалось с моих уст.

– За что же? – с высоко поднятыми бровками поинтересовалась она.

– Меня волнует... И даже признаюсь, стыдно...

– Смешной, да что случилось?

– Как твоё имя? Я не успел тогда сообразить и влиться в нестандартный сюжет происходящего. Осознал только после, когда ты ушла.

– Что ты, брось. Ничего страшного. И что там нестандартного? Впрочем, я не из этого фильма, и сюжет, похоже, для тебя действительно неведом. Но не надо оправдываться. Кто я для тебя, чтобы интересоваться именем при первой встрече? Очередная залётная дамочка, выброшенная с вертолета.

– Нет-нет, я не такой, то есть ты для меня, понимаешь, как же тебе разъяснить...

Я зарылся в своих эмоциях, и слова не успевали сложиться в правильном порядке. Мысли оправдания быстрее языка-болтания. Но она заполнила временное замешательство, продолжив:

– А если на чистоту, то имя не имеет большого значения. Мне нравится, как ты меня называешь. Ассоциативные воспоминания первой встречи – радуга. Как знак Бога, мне это льстит, – её глаза играючи забегали. – Морфейка, а тебя интересует какое из моих имен?

– В каком смысле, разве у тебя их много?

– У всех много образов и имен...

Наступила пауза, которая заполнилась повторами последних слов: «образов и имен, образов и имен». Когда отголоски утихли, на её серьёзном выражении лица внезапно появилась выразительная и вместе с тем пугающая улыбка, подсвечиваемая пламенем, отчего она выглядела ещё более де-

тальной. Мои волосы встали дыбом.

– Ты так и не приобрел чувство юмора? Безумно забавно, ты очень милый. Вот послушай, есть имя Радуга, которым ты меня окрестил. Другой бы назвал иначе, увидев свои ассоциации. Но есть данное от рождения... – отвела взгляд в сторону, словно собираясь с духом, и после долгой паузы тихо прошептала: – Меня зовут Майна.

Подошла к подобию умывальника, судя по всему, из дождевой воды, смывать кровь с лица, которая наверняка стягивала кожу.

– В первый раз слышу, но очень красивое имя, – скромно отметил я. – Майна, позволь спросить, а где дом твоей бабушки? Просто рядом нет домов...

Она выставила перед моим лицом открытую ладонь.

– Я знаю. Пусть это будет сюрпризом. Всему свое время. Лучше расскажи, чем занимался, пока мы не виделись.

– Хорошо. Только не сочти меня за сумасшедшего. Начали происходить какие-то странности. Вчера, например, какая-то худая старуха, не пойми откуда, в белых одеяниях вскрыла сперва мой дом, а затем мою жизнь, – прочла как книгу.

– Ну, мне кажется, она знакочилась. Близко... – разводя руками, предполагала Майна.

– Не знаю. Но зачем и с какой стати? Признаться, было жутко.

Она очень внимательно слушала, поднимая и опуская

глаза. Слегка приоткрытые губы, хотели что-то сказать, но не стали. Заметил, как по ее левой щеке скользнула слеза.

– Что случилось, Майна? Разве я тебя чем-то обидел?

– Всё в порядке. Я особа эмпатичная. Прониклась твоими переживаниями, волнениями, – как-то отвлеченно сказала она.

Легким касанием промокнув влажные веки, она медленно подходила к обрыву, глядя вниз.

Я призадумался, но когда поднял глаза со стола, увидел на стене напротив икону, точно такую же, как у меня забрал охотник. Подошел, взял ее в руки. Сзади была надпись, сделанная рукой моей прабабушки: «Спаси и сохрани».

Саккомпанировал резкий гром, и небеса пролили шумный дождь.

– Тебе нравится, Морфей, икона?

– Я хотел просто узнать... Как она оказалась у тебя?

Ее красивый, но жуткий смех рикошетил по стенам пещеры.

– Ты забавный. Скажи прямо, что случилось? Или ты так робеешь перед Божьими образами? – спрашивала, как ни в чем не бывало, Майна.

– Случилось то, что этот образ был мой, затем у охотника, а теперь у тебя. Как это возможно?

– Хорошо, я тебе расскажу. Недавно мне вздумалось заполнить именно этот экземпляр образа; села в одном из окон пещеры, свесив ноги над волшебным озером, и прочла кое-

какое заклинание. И вот вуаля!

По моей спине пробежал холодок. Я не находил подходящих слов, да и были ли они?

– Расслабься, Морфей. Она выпала у охотника на берегу, и когда мы побежали спасать медвежат, я по пути подобрала ее и всю дорогу несла, зажав под мышкой. Таким образом, она сама ко мне пришла. Магия лишь в этом. Возьми, коль она принадлежит тебе. Тут странность лишь в твоей невнимательности. Рассеянность творит для тебя чудеса, – ее глаза улыбались.

А может, моя прабабушка с того света пожелала ей помочь, может, ей нужнее. Случайности не случайны, – подумалось мне.

– Нет, Майна, пусть останется у тебя. Это частичка моей души, и мне приятно, что она находится с тобой. Так даже лучше.

Прикрыв веки, она протяжно кивнула, принимая. Но вдруг ее лицо выразило волнение; взгляд перешел мне за спину, точнее, на стену, на которой висели часы-ходики, как у меня в видениях. Странно, как я раньше их не замечал? Хотя теперь я отчетливо слышал тревожный цокот стрелок. Глаза ее засуетились, губы приоткрылись: я ждал, когда она подберет нужное слово.

– Морфей, время говорит: тебе пора.

– Куда же, Майна?

– Тебе нельзя больше здесь оставаться. Я не шучу на этот

раз. И не задавай больше вопросов. Прости, что вынуждена попросить тебя уйти в дождь. Ты сможешь добраться? Запомнил дорогу? – ускоренными жестами рук интересовалась она.

– Да, не переживай. Только скажи, когда мы вновь увидимся?

В это время она спешно освобождала проход из пещеры. Пробирался наружу в былой мир, но продолжал ждать ответа о следующей встрече. Но безуспешно – преграда уже разделила нас. Еще раз окинул взором закрытую гору, развернулся и ступил шаг...

– Морфей! – я вздрогнул и обернулся.

Она стояла рядом, и лишь полная луна освещала ее тоскливое выражение лица. Подбежала и слегка коснулась губами моей щеки.

– Надеюсь, до встречи, милый.

Я было опустил взгляд в мимолетном осмысливании, но, подняв глаза, ее уже не было.

Глава 6

Каждый шаг до дома сопровождался всплеском чистой радости. Еще не успел переварить, что произошло, но пока и не хотел думать об этом. Когда тебе хорошо, поиск истины может только всё испортить и привязать несуществующие догадки, в итоге нарушить то ценное, которое есть сейчас. Поэтому просто мечтал и фантазировал о будущем. О совместном будущем. Моя душевная окрыленность донесла меня до дома, не замечая пространства и времени. Одинокий домик ждал меня, лишь тусклый круглый свет неба озарял его. Открывал дверь, как услышал откуда-то из дали детские ревушие голоса медвежат. Может, они ищут маму и пришли на ту горькую точку берега? Даже сложно представить, что они чувствуют? Получается, в одной точке может объединиться смерть – потеря, а кто-то там же приобретает любовь. Гармоничный баланс хаотичного парадоксального мира. И вправду, та ситуация нам с Майной очень помогла сблизиться. Кто-то теряет, а кто-то находит. К сожалению и к счастью одновременно, чьими глазами посмотреть. Их плач стих. Перевел дыхание и вошел в избушку. За окном перекликались между собой сверчки колыбельной мелодией. Но хотелось продлить состояние эйфории, посему сон пока отложил в сторону. Приготовил себе чай из различных трав и с застывшей на лице радостью присел на кро-

вать у окошка. Задрал ноги под себя, а горячий напиток приютил на подоконнике. Глубоко вдохнул свежий запах темного, влажного леса, закрыл глаза, как сразу вспомнил ее нежное прикосновение губ. Теперь я знаю, что такое взаимность. И, глядя в полуоткрытое окно, под магически играющих ночных музыкантов в траве, замечтался. Сияла только одна ясная мысль – быть вместе, всегда. Чтобы не разлучаться, каждый по своим стенам, а иметь общие. Общаться сколько нам вздумается, соединять свои векторы восприятия и искать истину с улыбкой на устах. Быть опорой и поддержкой друг другу. Обнявшись, читать книги вслух. А после, сидя у вечернего камина, укрывшись пледом и попивая горячий напиток, обсуждать сложившиеся выводы прочитанного и играть воображением, придумывая другие исходы судеб героев. Разгоревшимся мечтам плеснули холодной воды, когда с окошка идеальных фантазий повернулся вглубь своего дома, в данность. Восприятие мужа дало явное понимание, что нынешние стены не соответствуют моим представлениям. И к тому же я не мог ей соврать; ведь при первой встрече, когда хотел показаться лучше, чем я есть на самом деле, назвал дом прекрасным. Как снежный ком пришли на смену и другие «но»; незаданные вопросы с туманной перспективой. Перерубил ненужную стезю энергетической ловушки и дал себе слово все решить и обдумать завтра. Утро вечера мудренее – без сна думы тяжелее.

Проснулся переполненный верой в свои, пока что, бумаж-

ные мечты, но с титановым рвением воплотить это в несокрушимую реальность. Это стало личной догмой. Мотивация обожгла все колкие углы моего положения. В миг стер свои предрассудки, опыт мглы, разочарований, и подбородок поднялся выше прежних пьедесталов. И, совершая утренние ритуалы, параллельно думал о реализации задуманного плана. Но одновременно грезил увидеть ее вновь. Понять хоть малейшим намеком о намерениях самой Майны по отношению ко мне и в целом к жизни. Иначе эгоистично решать за другого человека. Я питал к ней любовь и благодарность. Как я жил до нее и теперь – два кардинально разных мира. Но одно дело – как ты живешь, и другое – зачем? Ноги понесли меня в соседнюю деревушку. Теперь она находилась не так далеко, как раньше; мотивация сократила расстояние. Выбравшись из дикой тайги, начинался еще более кровожадный и беспощадный мир людей. Животные здесь были в подчинении, и впоследствии их едой. Уличные торгашки, окруженные мухами, продавали расчлененные тела скотины, восхваляя труп и предлагая прохожим. Затем начинались ларьки, магазины и прочая оживленная рябь социума.

Не составило труда устроиться грузчиком в продуктовый магазин. Там же как раз требовался дворник на уборку территории.

– Можете выходить уже сегодня, на вечернюю смену, – сказала неприятная, полная женщина с маленькими глазками и жидкими волосами, видимо, управляющая этим подо-

бием магазина.

Подсчитав доходы от двух неполных графиков, выходил вполне удовлетворительный сценарий, с учетом того, что природа заботилась о моем пропитании. А доход мог копиться на усовершенствования дома будущего. С чувством выполненного долга возвращался обратно. На волне успеха сразу же направился по той же тропе наших встреч через ромашковую полянку, которая оказалась пуста, и дуб грустил в одиночестве. На этот раз пение птиц ничего не перебивало, звуковая площадка была стабильной, без желаемых колебаний. Спустился аккуратно к берегу, выбрав в этот раз соседний – более безопасный спуск. Встречал меня только мусор, оставленный компанией охотника. Тут родилась идея. Интересно, а что если я сам пойду к Майне, в ту таинственную пещеру? Дорогу я помнил.

Следуя вдоль реки, услышал шелест кустов позади. Оглянулся – никого. Сердце застучало быстрее, соответственно и шаг ускорил. Вскоре опять тоже самое. Кто со мной играет или преследует? Остановился и ждал, когда тот выдаст себя, заранее зарядив камень в руку. Спустя минуту вижу, как выглядывает медвежонок, судя по всему самый малый из трех братьев. С сожалением улыбнулся и начал подходить к нему, спрашивая параллельно:

– Где твои остальные два брата?

Он, пятясь назад, что-то рычал с умными глазками, явно пытаясь объяснить.

– Иди своим путем, малыш, иди, беды стихнут – жизнь наладится.

Поднявшись с берега в нужном месте, очутился у подножья долгожданной горы. Но, подобравшись ближе, я опешил – всё выглядело иначе. Как мне это понимать? Как вход мог исчезнуть? Это походит на фантастику или сумасшествие, не мог вход испариться, и ни следа изменений, будто его здесь никогда не было. Такого обмана я не переживу. Что за фокус высшего иллюзиониста? Взял палку и стал простукивать. ” Майна, Майна, это Морфей», – кричал я в надежде. Но в ответ раздался только рёв стоящего рядом медвежонка. Его лохматый и трогательный вид немного успокоил мой пыл: почувствовал некую теплоту к этому ребенку. Всё, довольно, тут никого нет. Пора возвращаться. Он увязался за мной хвостиком, и я не мог его прогнать. Дойдя до дома, угостил его ягодами, а он, в свою очередь, пытался отвлечь меня от негодования. Стрелки намекали на то, что следует поторопиться, чтобы успеть на первый рабочий день.

– Мишаня, можешь отдохнуть и потом ступай в свой мир. А мне нужно по делам.

Он сидел возле забора снаружи и, чавкая, смотрел мне вслед. Я ему помахал.

Отработав смену довольно гладко и молча, перед уходом поинтересовался у ребят:

– Извините... – все вздрогнули от неожиданности моего первого слова, тем самым наострили уши. – Не знаете ли вы

девушку по имени Майна, она к бабушке на лето приезжает? Она такая...

Но меня сухо перебили.

– Нет, – ответили почти хором. – Нет тут такой в нашей деревне.

Опустив глаза, я возвращался домой. Завтра выходной, и решил посвятить его поискам своей Радуги, своего спасения. Уже смеркалось. Прожитый день показался таким бессмысленным в связи с последними событиями. Мало того, что я не встретил Майну, так и былого входа в пещеру не обнаружил. Загадки обескураживали. Следуя по узкому коридору в густой, высокой траве, я увидел, как навстречу бежит тот самый медвежонок, с такой любовью, точно видел во мне маму. Меня это растрогало. Затаив дыхание, любовался его задорным бегом. Расставив руки в стороны, я принял его в дружеских объятиях.

После того как мы вдоволь поигрались на траве в шуточной борьбе, я поддался порыву впустить его в свою жизнь и на свою территорию. Мы отправились домой. Подходя, обнаружил, что калитка открыта. Медвежонок что-то пытался сказать действиями: бежал к дому, кружился напротив окна, затем снова ко мне и вновь туда. Его бег сопровождало жалобное скуление. С любопытством последовал за ним. Никого и ничего не увидел. Но через мгновение замер. Опыняющий, дурманящий и в то же время приятный аромат дал понять, что здесь была Майна. Я кричал ее имя, надры-

вая связки, в надежде, что хоть звук достигнет ее. Вдруг она еще где-то рядом? В горе от поражения я впился коленями в землю. Горловой ком потери приглушал громкость ее имени; оно становилось тише и тише. Почему именно в этот момент, когда я старался ради нас? Кто пишет этот несправедливый сценарий? – спрашивал я у неба. Я заплакал от обиды, а медвежонок сидел рядом, поскуливая, сочувствовал мне.

Глава 7

Сон вздрёнул меня с кровати, в положение прямого угла. Сердце, от вновь пережитого, тревожно рвалось наружу. Выглянув в окно, взор упал на место ожидания Майны. Выводы становились яснее. Сон был из категории «путешествия в прошлое», и я умел их различать, фильтровать и интерпретировать. Сон возвёл меня в роль наблюдателя: Майна продолжительное время ожидала свет в моем окне, в азартном предвкушении сюрприза. Периодически поглядывала на небесные часы с облачным циферблатом и мучительно звонкими стрелками. Свет ее улыбки с каждой минутой угасал. Время влияло и меняло ее лицо. Косолапый друг телепатически внедрил ей эпизод со мной, идущим домой с мыслями о ней. Майна глубоко вдохнула понимание и с печалью выдохнула его, так как фокус ее зрачка вновь сдвинулся на быструю стрелку. – Пора, – прошептала она глазами: из переполненных век упала весомая слеза ожидания, растворившаяся в земле.

Да, очевидно. Она хотела сделать сюрприз, поэтому наблюдала через стекло. Ждала до тех пор, пока позволяло суровое время.

После упущенного шанса вчерашней встречи масштабы непонимания разрастались. Где теперь искать или ждать Майну? Вера в наше будущее оставалась непоколебимой, хо-

тя тень сомнений омрачала ее. Теперь, когда смысл приобрёл, моя жизнь состоит не из количества дней, а дни – из количества жизни. День был пасмурный и ветреный. Солнце пряталось за серым покрывалом, но всё же рано или поздно оно взойдёт, скинув с себя воздушную грусть. Ловил себя на мысли, что погода отражает мой внутренний мир или синхронизируется с ним. Неужели я – центр вселенной?

Прибывая у окна, я с умилением любовался на нового друга, который увлеченно играл со старой крышкой. Он продолжал жить, расти, развиваться, несмотря на потерю семьи. Хотя, конечно, я не знал, о чем он думает в момент видимой радости. Благодаря мохнатому чуду я узнал о приходе Майны. Получается, он понимал, как это важно для меня. Возник непреодолимый порыв выразить ему благодарность. Распахнув дверь, я присел на ступеньки крыльца. Малыш не замечал; он оттачивал свои навыки борьбы с колесом. Чувствовал перед ним какую-то ответственность. Я им проникся и полюбил.

– Как же тебя назвать, дружище? Ты достоин имени. Точно, я придумал тебе имя. Назову тебя Мэнбер, как сочетание человека и медведя. Идеально подходит. Медвежонок будто услышал, бросил искусанную крышку и подбежал ближе.

– Тебе нравится свое имя? Он одобрил прозвище, судя по мелодичному мурлыканью и блеску маленьких глаз. Надо раздобыть тебе меда, и обязательно это сделаю, когда пойду на работу. А пока я вижу, что ты перекусил, судя по пустым

кустам ягод. Его голова уютно устроилась у моих ног.

– Послушай, Мэнбер, любопытство не дает покоя: откуда Майна узнала о местонахождении моего дома? Ведь я ей не показывал и не рассказывал, но всё же она владела информацией. Вот еще один ребус. Безответные тайны копилась. Малыш внимательно слушал, как будто что-то знал, но не мог рассказать. Прежде чем отправиться на поиски Майны, я решил привести в порядок свою территорию и дом, чтобы избежать каких-либо вопросов о моей неряшливости, если она вдруг снова навестит меня. Правда, это было не просто: стоило мне положить какой-нибудь предмет на место, как Мэнбер тут же, играючи, создавал своё представление о порядке. В процессе уборки я оказался на месте ожидания Майны. Накрывала приятная и в тоже время тревожная волна раздумий. Мое внимание забрал интересный, любопытный элемент в траве. Во сне видел ее крупную слезу, упавшую на землю именно в этом месте. А теперь здесь росток необычайно красивого цветка неизвестной мне природы. Мистические обороты врезались в мой разум. Я ненароком коплю пазлы ее произведения, но пока не могу создать полную картину понимания. Нестандартные правила ее игры или высших замыслов усложняют и путают. Только время, да, только время расставит детали данной картины в нужных местах. У судьбы фантазия богаче моей, пожалуй, оставлю это ей. А пока действуем согласно своим возможностям. Стремление, переросшее в некую одержимость, в ко-

нечном итоге должно раскрыть обёртку желанной конфеты. Наведенный порядок погладил меня по волосам похвалой. Оказывается, могу, когда хочу! Это была лучшая версия дома, не считая дворика, где царил творческий беспорядок малыша. Выходя из калитки, одна нога за что-то зацепилась.

– Мэнбер, прекрати, я скоро, а ты охраняй наш дом.

Но он не отпускал, а еще настойчивее обвивал мои ноги.

– Ну хорошо, идем, составишь компанию. Его взгляд не оставил мне выбора. Притом его чутьё может пригодиться.

Мы отправились на поиски загадки. Унесенные в даль от дома ветром, мы безрезультатно добрались до одинокого дуба, периодически крича ее имя, но только черные силуэты птиц, кружащие меж небом и землей, кричали нам в ответ, предвещая скорые излиявы небес. Листья деревьев, в ожидании выхода на сцену дождя, оживились и бурно аплодировали. Шелест предвкушения. Я же ждал выхода из-за кулис моей Радуги, моей Майны.

Дабы не провоцировать воспоминания медвежонка, берег я осмотрел сам. Но, убедившись, что ее там нет, вернулся.

– Эй, Мэнбер, что ты там нашел? Пойдем дальше к пещере...

Двигаясь вдоль берега, по лесной чаще, на уровне того злополучного для Мэнбера места, он понурил голову и тут же отвернулся. Но, как прошли, он вновь начал резвиться и принял игривый настрой. Он поражал разумностью,

стойкостью – контроль эмоций заслуживал уважения. Есть чему поучиться. Его неугомонная энергия выражалась в играх, задирах, тем самым он не давал мне впасть в уныние. Вдруг Мэнбер замер и попятился назад, издавая настороженный рык.

– Что случилось, дружище?

Неожиданно раздался выстрел. Мы пригнулись. Рефлекторно переглянулись. Через пробелы деревьев разглядели рокового охотника, движущегося в нашу сторону. Вернувшись на исходную точку, скрывшись за широким деревом, мы наблюдали, куда пойдет охотник. Убедившись в его направлении, мы от греха подальше вынужденно спустились к реке, где оказались в эпицентре горя Мэнбера. Он зарычал, не разжимая пасти, лишь глаза окинули участок прошлого. Ему было больно, но, продолжив путь, мы продолжали жить.

Гору я встретил судорогой в правой ноге, которая сжималась и пожирала саму себя. Я упал, корчась, а медвежонок, вылизывая мне лицо, помогал избавиться от спазма. Скоро отпустило, и мы приступили к делу. Поведение Мэнбера изменилось: нос вытянулся вперед и вел его за собой, а я – за ним. В определенном месте он остановился, встал на задние лапы и покружился. Я расценил это как знак.

За гранью максимальной громкости я звал Майну, и что меня удивило – Мэнбер тоже рычал ее имя, усиливая эффект. Слышала вся тайга, кроме нее самой. И вдруг, словно получив сигнал, малыш принялся скрести лапами в опреде-

ленном месте. Я присоединился: через пол часа обнаружили щель, через которую в нос врезался сакральный аромат пещеры. Разглядеть было невозможно – тьма. Прижав до христа ухо, я услышал отдаленный, рассеянный плач. Не разборчиво послышался голос Майны. Походило на молитвенные мотивы, обращенные к кому-то. Сильный, порывистый ветер начал заглушать внимание. Следом раздался величественный гром, от которого мы поджали уши. Небо моргнуло – откуда хлынул ливень. Молния щелкала с такой яростью, что я не припоминал подобного. Мы присели, облокотившись спиной о каменную стену. Так, отрезанные разбушевавшейся природой от наблюдений, мы принялись беседовать, философствовать о жизни.

– Друг, странно всё это, правда? Скажи мне, как не переживать, как бороться с ситуацией, которую не понимаешь?

Он положил мокрую, сопереживающую голову мне на колени. Я напрягся, чтобы перекричать ливень. Помнится, прабабушка говорила: «Будь всегда смиренным, не сопротивляйся данному тебе – это промысел божий, не трать силы на пустые переживания». Но я так не могу, понимаешь, а если это не пустые переживания? Что, если это важное уйдет от бездействия? Кто знает, как правильно? Кажется, мы должны всё-таки действовать, пока можем. Как это расценивают сверху? Допустим: смирюсь, а на самом деле буду знать, что просто сдался, проявил слабость. Надо же еще уметь правильно смириться... Или человек всегда проявляет добро-

ту. Что за этим кроется? Возможно, трусость сопротивления конкурентным силам... Как всё это различить? Где изюм, а где истина? Несовершенная жизнь вечно вопрошает.

Мэнбер взъерошился, лизнул мой лоб и свернулся рядом калачиком. Гладил его успокаивающую шерстку и продолжал справляться с потоком.

– Мысли складывают определенный характер, а он, в свою очередь, формирует судьбу. Таким образом даруется жизнь, по твоему видению. Стало быть, опыт – движущая сила!

Раскаты грома поедали слова. Мэнбер поднял глухие глаза, будто не расслышал. Я повторил:

– Опыт, говорю, движущая сила. Главное – делать выводы, исправлять ошибки прошлого, и тогда, наверно, проявятся ступени, по которым можно карабкаться дальше к свету. Мы все кого-то теряем и кого-то находим. Но вот оно, данное окружение, твои инструменты, с помощью которых можно изменять пути в благую ветвь. Пусть даже не здесь, не за один раз, не за одну жизнь, но ошибки постепенно искоренятся и преобразуются в рай. Ошибки – топливо рая.

Краник неба закрыли. Включили желтый, теплый свет. В пробелах высоких деревьев выглядывала радуга. Это радовало, но я хотел бы видеть ее перед собой. Повернувшись к месту исследования, обнаружил изменения: щель стянулась, заросла словно кожей, оставив назойливым наблюдателям шрам. Разум разбивался в щепки о стену нереальности. Я бы скорее поверил, что сошел с ума, чем в заживле-

ние горы по истечению часа. Куда исчезло отверстие? Или я настолько сильно хотел увидеть Майну, что мозг выдал на подносе желанный информационный ужин, приготовленный высшим шеф-поваром? Настроил обоняние, осязание, изображения, и ее молящийся голос?

– Что такое, Мэнбер, хоть ты мне объясни?

Запутавшись в непроглядной паутине событий, разбивал кулаки о стену, разделяющую нас. Ощущения испарились, даже медвежонок уже занимал себя чем-то отвлеченным. Была ли она там? Думаю, да. Косолапая чуйка не обманет.

Кто или что стоит за всеми этими странностями? У кого власть над ее временем? Почему она так боится его?

Запах мокрых камней и земли сопровождал наш путь домой. Теплые лучи меж деревьев иногда касались нас. Выйдя на простор полянки, солнце объяло нас всецело, а семицветный горизонт дарил воспоминания.

Преодолев забор, Мэнбер вдруг встал на задние лапы, а передними карабкался по мне, словно что-то требовал.

– Ты голодный, малыш? У меня кое-что для тебя есть. Я специально приготовил на вечер. Ты заслужил. Сейчас принесу, подожди немного. Ну-ка, отпусти мои трико. Сиди смирно, договорились?

Подтягивая штаны, я зашел за десертом и поспешил покормить его.

– Мэнбер, ты где, выходи? В прятки решил поиграть? Твой ужин на крыльце, а мне, пожалуй, необходимо пере-

одеться в сухое.

Приготовил чай и присел на кровать, поставив кружку на подоконник. Подозрительный шорох позади дома заставил выглянуть в окно; из-за угла выглядывали обеспокоенные глаза медвежонка, потом резко исчезали, и вновь насто-роженно появлялись. Что-то учуял... Я выбежал на крыльцо. И действительно, охотник надвигался к нам. Мэнбер хорошо помнил тот выстрел, поменявший его судьбу, и прекрасно помнил того, кто совершил этот выстрел. Горькие думы Мэнбера вошли в мою голову более отчетливо: быстрым шагом я пошел на встречу к угрозе. Нельзя допустить их встречу. Охотника настиг в двадцати метрах от нашего забора.

– Добрый день, – сказал я сбившимся дыханием.

– Мой старый друг Морфеич, а я как раз к тебе иду, в гости.

– Зачем же? Извините, но я не могу вас принять, дело в том, что...

Охотник перебил меня своим пьяным, брызжущим и могучим чихом, от которого его повело и он повалился в высокую траву. Выиграв время, подбежал к забору, поймал взглядом торчащие из-за дома глаза медвежонка, прокричал ему шёпотом и жестами:

– Беги, Мэнбер. Иди на время погуляй. За домом есть где пройти. Иди-иди, не смотри на этого охотника, не смотри.

Он скрылся из виду, а я выдохнул тревогу. Так-то лучше. Пусть погуляет, пока всё устаканется. Стало спокойней, что

хоть как-то уберёт его. Я подходил к пьянице, который мычал на четвереньках и пытался встать. Вот кто животное, – подумал я.

– Ты куда бегал, с кем разговаривал? Не один, что ли? Ну пошли, познакомишь.

– Нет, нет, я прогонял назойливую ворону, крадущую мое пропитание.

– А, ну ладно. Прогнал хоть эту летающую крысу? А то я быстро ее проучу, – левой рукой пытался дотянуться до убегающего ружья, но не мог. Затем громко икнул и оставил свои попытки. – Я, как видишь, выпил немного, сегодня церковный праздник, правда, забыл какой. Вот и решил тебя навестить. Еще друзья куда-то подевались. Домой не могу поехать. Вот вспомнил о тебе...

– К сожалению, не могу вас принять. Очень занят.

– Чем же?

– Отбираю книги, их нужно отнести, – чуть подумав, добавил: – Своей девушке.

Он расплылся в болотной, тинной улыбке.

– Где ты тут девушку нашел, или в деревню бегал, искал образованных? Или она это, как его, макулатуру собирает? Ну ты даёшь, как скажешь конечно... – рассмеялся он, запрокинув голову к небу, чуть не упав назад. — Книгами решил добиться девушки? Ты сам пораскинь мозгами. Им нужна мужская сила, чтоб боялись, чтобы не плакали, когда не надо. Хотя всегда не надо. Чуть-чуть стихи для начала можно,

но лучше собственного сочинения. Всё, потом, как она растаяла; подарил цветок, то бишь закрепил положение – подсёк, а дальше можно доставать себя настоящего, а романтику отложить до критического раза. Ну, сам понимаешь, не маленький. Если девушка нравственная, воспитанная, то она окажется жабрами на крючке. Никуда не соскочит, усёк? Ее мнимость социума не позволит. Ох, как я сказал! – он удивленно посмеялся от своего умозаключения.

– Ну, в этих книгах как раз стихи.

Бесмысленным диалогом я пытался выиграть время для побега Мэнбера.

– Послушай, малой, послушай сюда. Ты не внимателен, говорю, сам пиши стихи. Ты ей что скажешь? Открой на такой-то странице такой-то стих? Типа, я так же считаю, как Александр Блок? Ерунда получится, сынок. Я могу помочь, войти в поток. В молодости только так плёл фирмы, то есть рифмы. Все пищали восторгом. На ходу могу сочинить. Вот, например:

– Эй, Морфей, запрягай коней. И веди в дом, принимай гостей, ведь к тебе явился главный злодей. Поставь на стол самогон или портвейн. Достань стаканы, только осторожно – не разбей. Садись и душу мне излей, но для начала ее портвейном согрей. И бороду побрей, ведь надо чистым принимать гостей. На, держи бутылку, у меня как раз есть, Морфей. Открой портвейн, в стаканы налей, чокнемся, затем пей, только не пролей. Плюнь на горести, забей. Ведь я глаз

не вижу из-за твоих грустных, свисающих бровей. Потом, шатаясь, огород полей, поверь, так веселей. Не робей, как воробей, будь смелей. Еще раз говорю тебе, очнись, открой портвейн, пасмурность залей. Скуку здесь не сей, будь бодрей. Ну как, не ожидал? Вот так. Так что идем, твоих девушек обсудим.

Он двигался, точнее перекатывался, по направлению к дому, игнорируя, что я против.

– Давайте вместе найдем ваших друзей? Хотите, вынесу вам горячий чай из трав и составлю компанию? Если мы сейчас не найдем ваших коллег (хотелось бы добавить – по убийству), то вы вряд ли сможете уехать отсюда.

– Добро, иди, а я пока почешу бедро, – упивался своим «талантом» охотник.

– Тогда подождите здесь. Я мигом.

Когда вышел из дому, он уже сидел на искусанной покрышке медвежонка, втыкая непослушные глаза в землю: что-то бормотал. Ах да, искал рифмы про свои убийства. Похоже, вошел в кураж.

– Я есть страх этого места, я как гроза среди бела дня. Стреляю без раздумий, словно в тесто. Я как снайпер в лесу, могу попасть даже в осу...

Я его потормошил за плечо:

– Очнитесь, держите чай – взбодритесь, нам надо идти. Уже темнеет.

Но он продолжал речь зажеванной пленки:

– Сынок, помнишь ту медведицу, которую я...

– Помню, помню. Хватит, прошу вас.

– Вот был трофей! Все обзавидовались.

– Прекратите.

Мой бегающий от услышанного взгляд застыл в одной точке. За спиной охотника, где виднелся задний край дома, стоял Мэнбер, с заряженными, налитыми злостью черными зрачками. Я занервничал. Напряжение зашкалило.

Охотник неугомонно продолжал пьяную речь, режущую слух:

– Дома у меня висят их головы.

– Кого их? – спросил я и поздно осознал, что зря.

– А, я разве не рассказывал? Я же потом еще двоих медвежат замочил, теперь они живут у меня, точнее – их мумии. Правда, один самый малый смог скрыться, точнее, он упал со склона. Короче, ему повезло, а так собрал бы полную коллекцию.

Опасаясь реакции Мэнбера, я посмотрел в конец дома. Но его там не было. Он стоял уже гораздо ближе, за спиной убийцы его семьи.

– Знаешь, как я застрелил малышкой?

– Не надо, хватит! Достаточно! – нервозно прокричал я, заткнув себе уши.

В это время потерявший контроль маленький хищник сбил его, так что тот оказался лицом к земле. Сам не заметил, как автоматически оседлал спину охотника. Мэнбер

впился ему в ногу и терзал с такой яростью, что охотничий ботинок отлетел в сторону. Он орал в траву, пытаясь выкрутиться. Пробовал оттолкнуть Мэнбера и прогнать, но хватка была мёртвой. Пытался остановить процесс мести и в то же время понимал, что помогаю. Я, сидя на спине жертвы, усложнял его попытки подняться и разглядеть нападающего. Трава приобретала кровавый тон мести. Когда медвежонок ослабил пасть, в долю секунды я понял по его нацеленному взгляду, что он стремится заполучить голову или шею охотника. Но я крепко обнял его и прошептал на ухо:

– Хватит, малыш, успокойся, достаточно. Ты уже отомстил, приди в себя, тихо, тихо.

Одержимость расправы начала сглаживаться. Спустя неумовимые мгновения разума, остыла.

– Беги, пожалуйста, беги, ради нас, – торопил я на фоне скулящего матом в землю охотника. – Я найду тебя, обязательно найду. Оставь его, я постараюсь всё уладить.

Одинокий мохнатый комок боли выбежал за забор и скоро растворился в дали. С колющей в груди жалостью проводил его взглядом, сидя на окровавленном, воющем охотнике.

Глава 8

Яркий, желто-красный диск черного неба подсвечивал ситуацию. Я принялся исполнять обещания – улаживать сложившиеся обстоятельства. Ранее слышал, как в его рюкзаке мелодично звякали бутылки. Без этих «батареек» он не перемещается. Очевидно, спиртное – ингредиент, который нужен ему всегда и мне сейчас, чтобы воплотить единственный план.

– У вас есть бинты? – заботливо спросил я.

Он пыхтел – буквы не складывались. Он указал пальцем на рюкзак.

Вжик; бинты и несколько бутылок его успокоительного были в готовности. Продезинфицировав под его ор ногу и спину, приступил к перевязке. Напиток анестезии и беспмятства уже прожигал его нутро. Пусть пьет, в данном случае это хорошо. По завершении он дополз до стены дома и уперся спиной. Наши взгляды встретились – я уловил посыл. Откупорил новую и вручил в его просящие орбиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.